

ГЕНЕРАЛЫ ГОРОДСКИХ ТРУЩОБ БЕСПРИЗОРНИКИ

Савелий Громов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Савелий Громов

Генералы городских трущоб

«Автор»

2026

Савелий Громов

Генералы городских трущоб / Савелий Громов — «Автор», 2026

Бандит из 1987 года, после очередной кровавой разборки, оказывается в теле беспризорника в Москве 1921 года. Он видел будущее, и не собирается его повторять. Вместо этого, он решает создать собственную банду. Страна изнывает от голода и разрухи, по улицам бродят беспризорники. Гражданская война еще не утихла: белые не все ушли, Махно хозяйничает на Украине, а чекисты безжалостно грабят богатых. Вокруг бандитские разборки, перестрелки, нэпманы прячут золото в подвалах, чекисты размахивают мандатами, а голод ломает даже самых сильных. Его главная задача – выжить самому и дать шанс выжить тем, кто поверил ему и пошел за ним.

© Савелий Громов, 2026

© Автор, 2026

Савелий Громов

Генералы городских трущоб

Глава 1

Глава 1. Смерть и рождение

Москва. Весна восемьдесят седьмого. Конец мая. Ресторан на Кропоткинской — первый кооперативный ресторан в Советском Союзе. Он открылся 12 марта 1987 года на Кропоткинской улице, в бывшем доходном доме князей Трубецких. Три квартиры на первом этаже расселили — семнадцать человек получили новое жильё, — а в освободившихся залах с лепниной и высокими потолками закипела новая жизнь.

Снаружи — обычный московский фасад, разве что у входа с самого утра стояла очередь. Час, полтора, а то и два. Швейцар-гардеробщик Михалыч, церемонный и неприступный, открывал дверь порциями, как будто отмерял счастье. Внутри пахло свежей выпечкой, крепким кофе и щами. На чёрной доске у стойки мелом было написано меню: салат — пятьдесят копеек, щи зелёные — шестьдесят, тефтели из телятины — рубль двадцать, клюквенный напиток — тридцать. Для тех, кто хотел шикануть: «букет» из солений — два рубля, копчёное мясо — четыре пятьдесят, телятина «Беньяшель» — пять. Алкоголя не было ни днём, ни вечером. Только кофе, чай, морсы из свежей клюквы, брусники и шиповника. Ягоды — с рынка, мука и сахар — пока по госцене. Двенадцать человек персонала, все мастера на все руки.

Тринадцатого мая, ровно в восемь утра, открылись двери экспресс-зала. С этого дня он работал с раннего утра. И именно там, за дальним столом под красным абажуром, собрались шестеро. Кувалда — Пашка Ковалёв, двадцать шесть лет, кожаная куртка, золотая цепь, а у входа — «Мерседес W126», флагманский кузов S-класса. С ним — Сыч, правая рука: здоровенный, как шкаф, но с повадками шакала. Ещё четверо — молодые, но уже со «стволами»: Лысый, Угрюм, Чирик и Жлоб. Они пришли решать вопрос с «ореховскими» — молодыми, дерзкими, ещё не ставшими тем, чем станут через год. Рынок на Люблинской был лакомый — триста точек, дань, крыша. «Ореховские» хотели половину. Кувалда не хотел отдавать ничего.

— Мы же по понятиям с ними базарили, — сказал он тогда, глядя на Сыча. — Половина — это не тема. Это грабёж.

Сыч пожал плечами:

— Кипишнули они, Паш. Говорят, мы их кинули. Предъяву выкатили.

Кувалда зло оскалился. Знал он эти предъявы. Знал, чем они заканчиваются.

Дверь открылась. Вошли двое. Не «Ореховские». Свои. Толя-Таран и ещё один, которого Кувалда видел впервые. Худой, в чёрном плаще, с лицом, как у покойника.

— Пашка, — сказал Сыч, и голос у него был не свой. — Есть базар.

Кувалда понял всё сразу. Слишком много мелочей сложилось в одну картинку. Сыч, который в последний месяц пропадал куда-то. Толя-Таран, который перестал смотреть в глаза. И этот Худой, с пустыми глазами.

— Ты что, Сыч? — спросил Кувалда. В голосе — только бетонная тяжесть.

Рука скользнула под стол. Нож привычно лёг в ладонь — холодный, родной. Кувалда держал его как продолжение себя.

— Ссучился?

— Не ссучился, — сказал Сыч. — Ничего личного, Паш. Просто тема другая. «Ореховские» больше предложили. И крышу. И братву. А ты... ты, Паш, в последнее время много на себя берёшь. Не по чину.

Кувалда не ответил. Он уже видел всё: как Сыч стоит — чуть боком, правая рука в кармане куртки. Как Толя-Таран напряжённо застыл у стойки, скрученный, как пружина. Как Худой чуть подался влево, освобождая Сычу сектор для атаки. Ясно. Они всё решили заранее.

Пашка-Кувалда выбросил руку вперёд — и лезвие сверкнуло молнией под абажуром.

Сыч выстрелил. Не вынимая пистолет из кармана — прямо через куртку. Глухо, как будто кашлянул. Пуля прошла вскользь, обожгла плечо, рванула куртку. Кувалда даже не почувствовала боли — только жар, как будто кто-то чиркнул наждаком по коже.

Он не остановился. Первым достал Тарана. Тот успел только открыть рот, как лезвие вошло ему под ребро — коротко и глубоко. Толя-Таран осел на пол, схватился за бок обеими руками, и кровь потекла между пальцами — тёмная, густая. Он хотел что-то сказать, но из горла вырвалось лишь бульканье.

Худой метнулся в сторону, потянулся за пазуху. Кувалда успел раньше — крутанулся вокруг оси, полоснул по руке, по пальцам, по тому, что тянулось к оружию. Худой отшатнулся, зажимая рассечённую руку, и кровь брызнула на белоснежную скатерть. Он зашипел, как придавленный зверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.